

О. А. Парфенова

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН КАК УЯЗВИМОЙ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОФИЦИАЛЬНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРСЫ

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Семья», Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 55–57, литер А

В данной статье проанализированы дискурсы власти и общества о пожилых гражданах в современной России. В качестве материалов использованы официальные документы, статистика и данные социологических исследований. Сравнительный анализ обоих дискурсов (официального и общественного) показал манипулирование официальными лицами позитивными результатами, с одной стороны, и геронтофобию и эйджизм по отношению к гражданам «третьего возраста» — с другой. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: социология пожилого возраста, дискурсы о пожилых, статус пожилых.

POSITIONING OF SENIOR CITIZENS AS A VULNERABLE GROUP IN MODERN RUSSIA: THE OFFICIAL AND PUBLIC DISCOURSE

O. A. Parfenova

State Information and Methodological Center “Family”, 55–57, liter A, ul. Sadovaya, Saint Petersburg 190068, Russian Federation

This article examines the discourses of the senior citizens in modern Russia, represented by power and society. The materials the author has used include official documents, statistics and sociological research. The official discourse (e.g. policy in relation to senior citizens) mostly shows progress in national social policy. In public discourse gerontophobia and ageism can be found. The comparative analysis of both discourses (official and public) shows manipulation with positive results carried out by officials, on the one hand, and the actual expulsion of “third age” citizens out of the scope of employment on the other. This “expulsion” is not criticized in public discourse in general, as, in this case, the concepts of “old age” and “retirement age” with the resultant “natural” change of status go hand in hand. Refs 15.

Keywords: old age sociology, discourses of aging, social status of the elderly.

В рамках данной статьи мы рассмотрим, каким статусом обладают пожилые граждане в российском обществе, а также какие существуют официальные и общественные дискурсы о них в современной России. Анализ дискурсов поможет нам понять, как конструируется образ пожилого человека властью и обществом, и как этот образ влияет в том числе на определение социальной политики в отношении четверти населения Российской Федерации.

Пожилой гражданин — кто это?

Для начала важно определить, кого мы будем включать в категорию «пожилой гражданин». Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Международная организация труда (МОТ) предложили классификацию, согласно которой к пожилым относятся люди в возрасте от 60 до 74 лет, к старым — в возрасте 75–89 лет,

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

к долгожителям — люди в возрасте 90 лет и старше [1, с. 17]. Нижняя граница «пожилого» возраста немого ниже границы, с которой начинается пенсионный возраст во многих развитых странах. Так, в Германии, Канаде и Японии он начинается для мужчин и женщин в 65 лет, в Великобритании — для женщин в 62, для мужчин в 65. Самый высокий порог выхода на пенсию в северных странах — Исландии, Норвегии, Дании и США. Здесь он составляет 67 лет. При этом в развитых странах существует тенденция повышения пенсионного возраста.

В России порог пенсионного возраста — один из самых низких в мире и составляет для женщин 55 лет, а для мужчин 60 лет. Эти пороги были установлены в 1932 г. на основе обследований рабочих, выходящих на пенсию по инвалидности, закреплены в Законе СССР 1956 г. и с тех пор не менялись, несмотря на то что характер и условия труда за это время радикально изменились [2]. В настоящее время повышение пенсионного порога в России не планируется, о чем заявил и российский президент Владимир Путин на ежегодной прямой линии, ссылаясь на низкую среднюю продолжительность жизни (77,5 лет у женщин и 65,5 лет у мужчин). При этом президент делает акцент на низкой продолжительности жизни мужчин и парадоксальным образом упускает из виду российских женщин, у которых разрыв между нынешним возрастом выхода на пенсию и средней продолжительностью жизни достаточно солидный (55 лет против 77,5). *«Кстати, в тех странах, где пенсионный возраст увеличен, скажем — в подавляющем большинстве европейских стран, там примерно 65 — выход на пенсию и для мужчин, и для женщин, там и продолжительность жизни другая. Женщины у нас уже — 77,5, а там — 81 и больше. По мере увеличения продолжительности жизни, наверное, мы когда-то подойдем к решению этих вопросов, в том числе и по пенсионному возрасту»* [3]. Таким образом, у европейских женщин разрыв между пенсионным возрастом и средней продолжительностью жизни составляет 16 лет, а у российских женщин — 22,5 года (!). При этом в публичных дебатах вот уже который год приводятся доводы как в пользу повышения пенсионного возраста, так и против этой политической меры. Доводом в пользу повышения пенсионного возраста является тот факт, что с каждым годом растет нагрузка на трудоспособное население вследствие уменьшения его доли по отношению к доле пенсионеров. Если в 1939 г. на 1 000 чел. трудоспособного возраста приходилось 164 чел. пенсионного возраста, в 1959 г. — 202 чел., то в 2002 г. это уже 335 чел., а в 2010 г. — 360 чел. Что касается трудовой занятости, то за последнее десятилетие наблюдается рост процента занятых на рынке труда пожилых граждан [2, 4]. Противники повышения пенсионного возраста выдвигают аргументы, связанные с относительно слабым здоровьем и низкой продолжительностью жизни россиян в сравнении с теми же развитыми странами [2]. В целом же статус «пенсионер» значим для государства в первую очередь тем, что пенсионный возраст является той юридической границей, которая отмечает момент, когда гражданин превращается из плательщика пенсионных взносов (налогов) в получателя пенсионных выплат [2]. Поэтому государство заинтересовано в том, чтобы поднять пенсионный возраст или не платить пенсию работающим пенсионерам, что незаконно, а сами граждане категорически против того, чтобы лишиться этой выплаты, пусть даже и в слишком раннем возрасте. Однако, как мы показали выше, повышения пенсионного возраста не планируется, что сложно объяснить экономической целесообразностью, но можно — политическими манипуляциями.

Стоит отметить, что отдельные категории граждан, получающих пенсию «по выслуге» в более раннем возрасте (военные, работники вредных производств) или получатели социальных пенсий не будут рассматриваться нами как типичные «пенсионеры» и пожилые. По состоянию на 1 января 2013 г. в РФ насчитывалось всего 41,019 млн пенсионеров различных категорий. Из них 33,1 млн граждан (почти 80 %) — это пенсионеры «по старости», то есть те, кто достиг пенсионного возраста [4].

Таким образом, в рамках нашего исследования правильно будет определить пожилого человека, используя нижнюю границу, предлагаемую ВОЗ — с 60 лет, при этом сдвинув ее для женщин к началу пенсионного возраста — к 55 годам. Другими словами, пожилой человек — это гражданин, достигший закрепленного законодательством пенсионного возраста «по старости».

Кроме того, это определение имплицитно присутствует в любых мерах социальной политики, направленных на пожилых граждан. Например, для того чтобы стать клиентом некоторых социальных сервисов, недостаточно быть пенсионером «по возрасту», нужно обладать другими характеристиками (ослабленное здоровье и отсутствие поддержки со стороны родственников и т. п.), но в целом, пенсионный возраст — это необходимое условие для получения услуг в сервисах, работающих с пожилыми гражданами. В некоторых случаях пенсионный возраст является не только необходимым, но и достаточным условием для получения социальных услуг в форме лекций, занятий, экскурсий и т. п. Современная российская статистика также зачастую использует термин «лица старше трудоспособного возраста», подразумеваемая под ними граждан, достигших пенсионного возраста.

Помимо этих существуют другие «критерии» пожилого человека, которые транслируются в официальном и общественном дискурсах и определяют его статус в обществе.

Рассмотрим подробнее, как конструируется категория пожилых граждан в современном российском обществе и какой социальный статус ей приписывается.

Социальный статус пожилого гражданина и его позиционирование в официальном дискурсе

Анализ социального статуса пожилого человека помогает понять и объяснить основные направления и тенденции социальной политики в отношении данной категории граждан в современной России. Положение пожилых в России дискурсивно оформлено федеральными властями как актуальная социально-политическая проблема. Остановимся подробнее на официальном дискурсе. Материалами нам послужат мониторинг социально-экономического положения граждан пожилого возраста, подготовленный Министерством труда и социального развития в мае 2014 г. [5], а также стенограмма заседания президиума Государственного совета «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста» от 8 августа 2014 г. [6].

В результате анализа обоих документов можно увидеть отчетливую тенденцию: основное понятие — забота, а центральное внимание уделяется тому, чтобы привлечь к заботе о пожилых гражданах негосударственный сектор (волонтеров, НКО, опекунские семьи и т. п.), а также способствовать продлению активной фазы

жизни пожилых граждан (переобучение, организация досуга и т. п.). «Ключевая задача — решение проблем занятости. Это важно и для повышения доходов людей пенсионного возраста, и для поддержания в них чувства востребованности, общественной значимости и полезности» (Владимир Путин) [6]. О проблемах стационарного обслуживания, бытовых условий, низкого уровня доступа к медицинской помощи и подобных трудностях применительно к пожилым гражданам речь в обоих документах или не идет вовсе, или о них упоминается очень кратко. На заседании президиума ни президент Владимир Путин, ни министр здравоохранения Вероника Скворцова не говорят о проблемах, а делают акцент на достижениях социальной политики в отношении пожилых и будущих «позитивных» задачах.

Об аварийном состоянии домов-интернатов для пожилых и очередях в психоневрологические диспансеры упоминает только один из докладчиков президиума — губернатор Воронежской области Алексей Гордеев, который в основном также фокусирует свое сообщение на достижениях (трудоустройстве пожилых, строительстве нового интерната и т. п.). В качестве отдельного «новшества» обсуждения можно выделить категорию «люди третьего возраста», которую употребляют в своих выступлениях Владимир Путин и губернатор Тюменской области Владимир Якушев: «Я думаю, что, может быть, нам стоит как-то во всех наших документах уже не применять такие термины, как “старость”, “пожилой возраст” и так далее, а говорить о “третьем возрасте”. Тогда, я думаю, что уже на ментальном уровне мы создадим совершенно иные условия» (Владимир Якушев) [6]. Здесь мы очевидно можем проследить воспроизводство терминологии, предложенной демографом П. Ласлеттом, который ввел понятие третьего и четвертого возрастов («молодой старости» и «старой старости») [7].

Резюмирует свое выступление на заседании президиума Владимир Путин: «<...> когда люди видят, знают, что государство думает о людях пожилого возраста, они по-другому относятся к своей стране, к своему государству, по-другому даже строят свою жизнь, имея в виду, что есть такая надежная система, как система государственного обеспечения, заботы о людях. И это всегда создает такую внутреннюю устойчивость в любой стране, в любом обществе» [6]. В данном случае акцент делается на государстве как основном гаранте и поставщике заботы о пожилых.

В целом же оба текста 2014 г. фокусируются на достижениях и положительных сдвигах в сфере социальной политики в отношении пожилых граждан. Пожилой гражданин в данном случае выступает неким объектом, на примере которого можно продемонстрировать успехи государственной политики (повышение пенсий, увеличение средней продолжительности жизни и т. п.).

Таким образом, мы видим, что властный дискурс в целом актуализирует вопрос о необходимости особой заботы о пожилых гражданах, наделяя эту категорию такими *противоречивыми* характеристиками, как уязвимость и потребность в особом уходе, с одной стороны, и большем вовлечении в общественную жизнь, с другой стороны. Большое внимание уделяется активной прослойке пожилых (очевидно, это связано в том числе и с повышением показателей средней продолжительности уровня жизни за последние несколько лет). Другими словами, статус пожилого человека оценивается как недостаточно высокий, нуждающийся в корректировке, путем особого ухода и вовлечения в активную жизнь. Исходя

из такого позиционирования выдвигаются предложения о необходимости соответствующего реформирования системы социального обслуживания. Более совершенная система должна учитывать интересы и потребности как более активной прослойки пожилых граждан, так и группы с ослабленным здоровьем, нуждающейся в специальном наборе социальных и медицинских услуг.

Однако если сравнивать этот дискурс с позицией властей по поводу пенсионного возраста, например, о которой мы говорили выше, то возникает противоречие — государство полагает, что нужно делать ставку на активную прослойку пожилых, но при этом не считает нужным повышать рекордно низкий (по сравнению с развитыми странами) пенсионный возраст хотя бы у женщин, фактически способствуя более раннему вытеснению их с рынка труда, о чем подробнее мы поговорим ниже. Наряду с этим преступно мало внимания уделяется проблемам сохранения и поддержания здоровья пожилых граждан, особенно проживающих в отдаленных регионах с низким доступом к качественному медицинскому обслуживанию.

Оторваны от реальности заявления об ориентации социальной политики на активную прослойку пожилых, если учесть, что очень серьезные вопросы вызывает качество жизни этой категории граждан в принципе (состояние здоровья, бытовые условия, доступность медицинского и социального обслуживания и т. п.).

Социальный статус пожилого гражданина и его позиционирование в общественном дискурсе

Теперь остановимся подробнее на том, какими характеристиками наделяется категория пожилых граждан в российском обществе.

Неудовлетворенность своим материальным положением среди преимущественно одиноких неработающих пенсионеров, по мнению исследователей, способствует тому, что в обществе утверждается представление о них как об одной из самых бедных социальных групп на сегодняшний день [8]. Способствуют этому представлению и объективные причины — небольшие пенсии «по старости» (часто с небольшой «трудовой» надбавкой за выслугу лет), которые постепенно повышаются с ориентацией на прожиточный минимум. Правительством выделяются отдельные категории пенсионеров, которые получают заметные прибавки к пенсии согласно принадлежности к той или иной категории — например, участник ВОВ или блокадник. Однако среди общего числа получателей пенсий большинство составляют все же «обычные» пенсионеры, которые не входят в «льготную» категорию, и их пенсия «по старости» колеблется в районе прожиточного минимума. В связи с этим положение неработающих пенсионеров в целом выглядит наиболее уязвимым. При этом количество работающих пенсионеров за последнее десятилетие выросло, как показывает сравнительный анализ результатов переписей населения 2002 и 2010 гг. *«Наиболее благополучной возрастной категорией с точки зрения получения доходов можно считать (наиболее многочисленную) группу 55–69 лет: 59,7% населения отмечают два и более различных источника доходов, очевидно, положительно сказывается на уровне жизни данной группы населения»* [9]. Возросший процент работающих пожилых граждан авторы связывают с тем, что *«в “третий возраст” вступили намного более образованные поколения, пережившие опыт адаптации к новым социально-экономическим реалиям»* [9].

Сравнивая показатели качества жизни городских и сельских пожилых граждан, исследователи приходят к выводу о том, что различия в качестве жизни определяются во многом доступом к медицинской помощи и социальным сервисам, а также разницей в бытовых условиях проживания, возможностях проводить досуг. Кроме того, «селяне» и «горожане» различаются и по уровню образования и предпочтений. Однако, несмотря на выявленные различия, и в городской, и в сельской местности велика роль семьи как основного источника заботы о своем пожилым родственнике [10]. Если возвращаться к теме бедности, то некоторые исследователи, сравнивая городскую и сельскую бедность, отмечают, что заметную часть бедного городского населения составляют люди пенсионного и предпенсионного возраста. *«В этой группе [бедные по лишениям, чаще проживающие в городах] больше пенсионеров и людей предпенсионного возраста. Они не имеют иждивенцев, стабильно получают пенсию, но все их деньги уходят на оплату лекарств и жилья. Государство им редко помогает, но зато охотно помогают родственники. Типичные представители этой группы — одинокая пожилая пара»* [11].

Интересны особенности отношения к старости, которые в ходе специального опроса выявил ВЦИОМ. Опрос был посвящен тому, что россияне думают о старости и пожилых людях. Четверть опрошенных (25 %) считают, что старость наступает в возрасте 60 лет. 16 % респондентов считают, что старым человек становится с 50 до 60 лет. Люди пенсионного возраста вызывают жалость у 38 % опрошенных. У 35 % респондентов пожилые граждане пробуждают желание оказать им помощь. Права пожилых людей в современной России не соблюдаются — в этом уверены 67 % опрошенных [12]. Таким образом, мы можем видеть, что больше трети россиян ассоциируют наступление старости с пенсионным возрастом, что само по себе не способствует восприятию человека пенсионного возраста как активного гражданина и профессионала. Кроме того, сам факт наступления пенсионного возраста для многих ассоциируется с понижением социального статуса, утратой социальной мобильности и, как следствие, жалостью и желанием помочь. Также достижение пенсионного возраста часто ассоциируется с угрозой окончания профессиональной деятельности и, как следствие, заметным снижением дохода.

Действительно, пожилые люди оказываются наиболее уязвимы именно в сфере занятости. Они нередко вынуждены уходить из профессии, и причин для этого может быть несколько. Одна из них — самостигматизация, когда новоиспеченный «пенсионер» чувствует себя тем самым «старым» в глазах общества и старается не «задерживаться» на своем рабочем месте. Другой причиной может выступать эйджизм (дискриминация по возрастному признаку) со стороны руководства, особенно в том случае, если это профессиональная среда с высоким уровнем конкуренции за рабочие места (тем более, если речь идет о регионе с ограниченным рынком труда). Найти новую работу пожилому человеку в подобной ситуации можно только преимущественно в качестве неквалифицированного рабочего. Современные исследования в регионах показывают, что многие руководители предприятий воспринимают пожилой возраст работника как неблагоприятный фактор, препятствующий развитию организации, и предпочитают доверять им менее квалифицированные и ответственные виды работ. Социолог Т. Смирнова делает вывод о том, что наибольшая социальная дистанция между пожилыми людьми и более молодой частью общества максимально отчетливо проявляется в профессионально-

деловом пространстве. Заключение исследования гласит: «*Забота государства о пожилых гражданах должна сводиться не только к обеспечению социальной защиты, выплате пособий по старости, но и, главным образом, к предоставлению лицам позднего возраста возможности быть социально дееспособными гражданами, реализовать личностный потенциал*» [13, с. 55]. Данные этого исследования во многом подтверждаются и официальной статистикой. Если мы обратимся к статистике по возрастам и занятости, то можно увидеть, что за семь лет (с 2005 по 2012¹ гг.) средний возраст занятых в экономике мужчин вырос совсем незначительно — с 39,2 до 39,8 лет, а у женщин — с 40,1 до 40,8 лет. При этом доля занятых граждан самой старшей группы (65–72 года), напротив, все эти годы заметно и последовательно сокращалась — с 596 тыс. до 376 тыс. человек среди мужчин и с 616 тыс. до 422 тыс. среди женщин. Можно предположить, что такое сокращение количества граждан, реализующих сценарий «работающий пенсионер», связано с улучшением пенсионного обеспечения, с одной стороны, ограничениями здоровья — с другой, и уходом занятости «в тень» — с третьей. Так, среди руководителей всех уровней самая старшая из представленных возрастных групп «60–72 года» составляет лишь 4,5%. Для сравнения — возрастная группа «50–59 лет» составляет 22%. Среди специалистов высшего уровня квалификации ситуация похожая — группа «60–72 года» составляет 4,2%, а группа «50–59 лет» составляет 19,2% [14]. Таким образом, заявления (в том числе и сделанные президентом на заседании президиума «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста»), касающиеся повышения статуса и значимости профессионалов «третьего возраста», не находят своего подтверждения в официальной статистике занятости.

Также исследователи отмечают, что в современном российском обществе на уровне массового сознания распространены геронтофобия (боязнь, неприятие старости) и эйджизм (дискриминация по возрасту). По мнению социолога И. Григорьевой, эти явления объясняются переходом от жизненных сценариев, требующих долговременной работы для достижения успеха в зрелом возрасте, к современным, более гибким сценариям, дающим быстрые экономический и социальный эффекты уже в молодом возрасте. Происходит обесценивание жизненных норм и паттернов старшего поколения [15].

Рассмотренный нами дискурс о пожилых гражданах в современной России можно охарактеризовать в категориях социального исключения. Отметим, что социальное исключение пожилого человека в данном случае рассматривается нами как многомерный процесс, сопровождающийся утратой или ослаблением семейного и профессионального статусов и физическими ограничениями, связанными с ухудшением здоровья.

Заключение

Сравнительный анализ обоих дискурсов (официального и общественного) показал манипуляции официальных лиц с позитивными результатами, с одной стороны, и фактическое выталкивание граждан «третьего возраста» из сферы занятости и понижение социального статуса — с другой. Подобное «выталкивание»

¹ Более новые данные отсутствуют.

в целом не осуждается в общественном дискурсе, поскольку понятия «старость» и «пенсионный возраст» с вытекающими из них «естественными» изменениями статуса в данном случае идут рука об руку. Это связано с «запуском» процесса социального исключения, характерного для данной категории, — утрата профессионального статуса, ухудшение материального положения, ослабление родственных и дружественных связей, проблемы со здоровьем.

В этой связи представляется актуальным изучение адаптационных практик самих «молодых» пожилых, которые на фоне эйджизма и геронтофобии вынуждены конкурировать и бороться за то, чтобы оставаться в поле профессиональной деятельности. Кроме того, представляется важным исследовать меры социальной политики в отношении пожилых граждан в современной России и их последствия для жизни граждан пожилого возраста.

Литература

1. Программа развития ООН. Возраст мудрости — возраст созидания. М.: [Б.и.], 1999. 75 с.
2. Синявская О. В. Как повышать пенсионный возраст в России // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (дата обращения: 28.05.2015).
3. Прямая линия с Владимиром Путиным. 16 апреля 2015 г. Стенограмма. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261> (дата обращения: 28.05.2015).
4. Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров. 09.07.2014. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm (дата обращения: 28.05.2015).
5. Информация от 28 мая 2014 г. «О результатах мониторинга социально-экономического положения граждан пожилого возраста». Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/93> (дата обращения: 28.05.2015).
6. Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста». 8 августа 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46397> (дата обращения: 29.05.2015).
7. Laslett P. A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London: Weidenfeld and Nicolson, 1989. 213 p.
8. Синявская О. В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO. 2006. № 4. С. 66–91.
9. Варламова М., Синявская О. Портрет пожилого населения России // Демоскоп. 2015. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0627/tema01.php> (дата обращения: 02.06.2015).
10. Белоконов О. В. Современные проблемы качества жизни пожилых в России (результаты проведенных опросов) // Успехи геронтологии. 2005. Вып. 17. С. 87–101.
11. Шамина О. Как выглядит бедность в России // Slon.ru 24 октября 2014 года. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0617/gazeta030.php> (дата обращения: 28.05.2015).
12. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1325 «Пожилая Россия» от 29 сентября 2009 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0391/opros02.php> (дата обращения: 28.05.2015).
13. Смирнова Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
14. Труд и занятость в России. Федеральная служба государственной статистики. 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm (дата обращения: 28.05.2015).
15. Григорьева И. А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3. С. 131–145.

References

1. *Programma razvitiia OON. Vozrast mudrosti — vozrast sozidaniia* [Age Wisdom — Age of creation]. Moscow, [B. i.], 1999. 75 p. (In Russian)
2. Siniavskaja O. V. Kak povyshat' pensionnyi vozrast v Rossii [How to raise the retirement age in Russia].

Otechestvennyi zapiski [Notes of the Fatherland], 2005, no. 3. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/kak-povyshat-pensionnyy-vozrast-v-rossii> (accessed 28.05.2015).

3. Priamaia liniia s Vladimirom Putinyim. 16 apreliia 2015 g. Stenogramma [Press conference with Vladimir Putin. April 16, 2015 Transcript]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261> (accessed 28.05.2015).

4. Chislennost' pensionerov i srednii razmer naznachennykh pensii po vidam pensionnogo obespecheniia i kategoriiam pensionerov. 09.07.2014. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Number of pensioners and the average size of pensions by type of pension obespecheniia and categories of pensioners. 09.07.2014. Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm (accessed 28.05.2015).

5. Informatsiia ot 28 maia 2014 g. «O rezul'tatakh monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia grazhdan pozhilogo vozrasta». Ministerstvo truda i sotsial'noi zashchity Rossiiskoi Federatsii [Results of the monitoring of socio-economic position of elderly people. The Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/93> (accessed 28.05.2015).

6. Stenograficheskii otchet o zasedanii prezidiuma Gosudarstvennogo soveta «O razvitiu sistema sotsial'noi zashchity grazhdan pozhilogo vozrasta». 8 avgusta, 2014 g. [Transcript of the meeting of the presidium of the State Council "On the development of the system of social protection of the elderly". 8 August. 2014]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/46397> (accessed 29.05.2015).

7. Laslett P. A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London, Weidenfeld and Nicolson, 1989. 213 p.

8. Siniavskaia O. V. Rossiiskie pensionery: v chem ikh bednost' i uiazvimost'? [Russian pensioners: what is their poverty and vulnerability?]. SPERO, 2006, no. 4, pp. 66–91. (In Russian)

9. Varlamova M., Siniavskaia O. Portret pozhilogo naseleniia Rossii [Portrait of elderly population in Russia]. Demoskop, 2015. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0627/tema01.php> (accessed 02.06.2015).

10. Belokon' O. V. Sovremennye problemy kachestva zhizni pozhilykh v Rossii (rezul'taty provedennykh oprosov) [Modern problems of quality of life of elderly in Russia]. Uspekhi gerontologii [The successes of gerontology], 2005, issue 17, pp. 87–101. (In Russian)

11. Shamina O. Kak vygliadit bednost' v Rossii [What is poverty in Russia]. «Slon.ru», 24 oktiabria 2014 goda [перевод]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0617/gazeta030.php> (accessed 28.05.2015).

12. Press-vypusk VTsIOM №1325 «Pozhilaia Rossiia» ot 29 sentiabria 2009 g. [Press release VTsIOM number 1325 "Elderly Russia" from September 29, 2009]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0391/opros02.php> (accessed 28.05.2015).

13. Smirnova T. V. Pozhilye liudi: stereotipnyi obraz i sotsial'naia distantsiia [The elderly: the stereotypical image and social distance]. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies], 2008, no. 8, pp. 49–55. (In Russian)

14. Trud i zaniatost' v Rossii. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. 2013 [Labor and Employment in Russia. Federal State Statistics Service. 2013]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm (accessed 28.05.2015).

15. Grigor'eva I. A. Prioritety sotsial'noi politiki: pozhilye liudi [The priorities of social policy: the elderly]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2005, vol. VIII, no. 3, pp. 131–145. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Парфенова Оксана Анатольевна — социолог; oksana.parfenova@gmail.com

Parfenova Oksana A. — sociologist; oksana.parfenova@gmail.com